

**Применение методов культурно-исторической психологии
в исследовании эпического наследия (к постановке проблемы)**

Вестник КазГУ. Серия историческая № 4(19).- Алматы, 2000. - С. 13-18.

Для современного этапа развития исторической науки стал характерен комплексный подход к изучению конкретных проблем. В целях более глубокого осмысления прошлого всего человечества, генезисе развития народа собственной страны, его месте и роли в процессе мировой интеграции становится естественно необходимым применение, а в перспективе, и слияние ряда фундаментальных наук в области исторического исследования. В данной статье речь будет идти о культурно-исторической психологии, получившей особенно в последнее время широкое развитие, которая в значительной мере может оказать существенную помощь в конкретных исследованиях проводимых историками.

В связи с этим возникает потребность изучения реальных механизмов, позволяющих синтезировать методологические основания истории и психологии в историческом исследовании. В настоящее культурно-историческая психология все еще переживает время начального развития.¹

По мнению автора статьи применение методов культурно-исторической психологии в изучении эпического наследия поможет не только глубже изучить эпическое наследие, но и поможет решить следующие вопросы: какую роль играл процесс запоминания в создании, сохранении и распространении эпического наследия; в чем причины аналогичного восприятия идентичных сюжетов народами находящимися не только в различных природно-климатических зонах и занимающихся различными видами хозяйствования, но и разделенных столетиями и тысячелетиями.

Каждый народ имеет свои ценностные ориентации, в основе которых лежит прежде всего ассоциативное восприятие окружающего мира. Европейцы же, являясь уже в большей степени народом урбанизированным, больше склоняются к механическому запоминанию. По этой причине им часто бывают не понятны некоторые аспекты культурной и хозяйственной жизни неурбанизированных народов. В частности обыкновенный счет калыма за невесту кажется им сложным и непонятным. В то же время для местных жителей все является ясным и прозрачным. Например российский исследователь тюркских народов середины XIX в. В.В. Радлов рассказывая об обряде сватовства у казахов, отмечал, что "обычно калым составляет семь раз по семь или девять раз по девять голов скота. Однако эту формулу трудно понять, и, хотя мне не раз ее разъясняли, я так и не смог постичь этот расчет".² В принципе, в этом нет ничего удивительного т.к. ученые мыслили совершенно другими стандартами.

Более чем через сто лет американский психолог М. Коул проводил исследования особенностей памяти у фермеров-рисоводов племени кпеле в центральной Либерии. Задачей было проверить утверждение о том, что неграмотные народы (в частности, африканские племена) более склонны к механическому запоминанию. Однако, проведя исследования, М. Коул пришел к выводу, что "вопреки ожиданиям ... мы не обнаружили свидетельств механического запоминания. На деле нам оказалось довольно трудно увидеть вообще какой-нибудь способ организации в том, как люди запоминали списки".³ Методика исследования заключалась в том, чтобы испытуемые запоминали список предметов, предлагаемых различными претендентами в качестве выкупа за невесту. Запомнился только тот набор предметов, которые, по мнению испытуемых, безусловно позволят получить невесту, а другие варианты они даже и не пытались запоминать: "Когда мы расспрашивали испытуемых об этом, они отвечали, что девушку должен получить именно этот человек, так что нет никакой необходимости перечислять другие дары!".⁴ Логика мышления африканцев ставила в тупик психологов, разрушая их теории.

Таким образом, можно сделать вывод, что и африканские неписьменные народы и народы Центральной Азии имели схожие ценностные ориентации, совершенно непонятные урбанизированному европейцу и, по всей видимости, схожие механизмы запоминания. Связано это не с одинаковыми природными условиями (все-таки Центральная Африка и Центральная Азия отличаются не только по географическому расположению), и не с однотипным ведением хозяйства (в данном случае африканцы – рисоводы, а казахи – номады), а с одинаковым аграрным типом мышления, основанном на ассоциативном запоминании, связанном с непосредственной жизнедеятельностью.

Интересные наблюдения проводились и по системе запоминания у народов Африки. В частности, М. Коул приводил такой пример: «Грегори Бейсон, проводивший исследования способов познания мира ("эйдос") народа ятмал (Новая Гвинея), обнаружил, что их "ученые" – подлинный кладезь тотемов и имен, являющихся содержанием специальных песен и использующихся в обсуждениях. Рассмотрев число таких родовых гимнов в каждом клане и приблизительное число имен в одном гимне, он заключил, что эти ученые люди носят в своей голове 10-20 тысяч имен. ... Он сообщает, что обычно люди время от времени меняют порядок имен и никогда не подвергаются за это критике. Если они спотыкались на чем-то, вспоминая какой-то конкретный набор имен, они не возвращались к началу серии, как это было бы характерно при механическом вспоминании».⁵

Здесь уместно вспомнить, как долго многие европейские историки сомневались в возможности сказителей запомнить «Илиаду» (15693 строки) и «Одиссею» (12110 строк). Однако изучение фольклора народов Центральной Азии полностью развеяло эти сомнения. В частности «узбекский сказитель Пулкан-шаир (1874-1941) знал к концу жизни не менее 70 дастанов, из них самый длинный – Киранхан – насчитывал 20000 стихов».⁶ Узбекский вариант эпоса «Алпамыш», в изложении Фазыл Юлдаш-оглы, записанный так же в наше столетие, составляет 14000 строк.⁷

Если же мы будем говорить о другом известном эпосе – «Манасе», то здесь побиты все рекорды запоминания. Справедливости ради отметим, что исследова-

тели «Манаса» дают несколько различное количество строк этого произведения, но различия не существенные. Так, говоря о первой записи «Манаса» В.В. Радловым, один киргизский исследователь – Кыдырбаева Р.З. - говорит о том, что «...В.В. Радлову удалось записать в общем около 14000 стихотворных строк поэмы, которые он опубликовал в 1885 г. в Санкт-Петербурге».⁸ Другой киргизский исследователь – Мусаев С. – утверждает, что вариант, записанный В.В. Радловым, составляет 9449 стихотворных строк.⁹

Возможно, что один автор говорит о трех частях эпоса (вместе с «Семетеем» и «Сейтеком»), а другой имеет в виду только сам «Манас». Здесь для нас важно не это, а то, что эпос довольно объемный. Действительно советский фольклорист В.М. Жирмунский указывал, что «... киргизский манасчи – «великий акын» Сагимбай Каралаев может прочесть около 250 000 стихов своей версии «Манас». Наш современник Саякбай Каралаев может прочесть столько же стихов этого эпоса и примерно столько же из «Семетее» и «Сейтека».¹⁰ Ни у кого в настоящее время не вызывает сомнения способности человека запомнить и воспроизвести эту огромную информацию.

В то же время и исследователи эпоса народов Центральной Азии, и исследователи русских былин отмечают большое влияние личности сказителя на вариантность эпоса.¹¹ Сказители точно так же, как и «ученые» народа ятмал иногда что-то меняют местами, упускают отдельные незначительные детали или добавляют новые. Они не создавали новый эпос, а приспособливали существующий как к своему психотипу, так и к аудитории слушателей.¹² Здесь уже можно провести культурно-психологические параллели.

Применение методов культурно-исторической психологии поможет разобраться с вопросом о странствующих сюжетах. Вопрос параллельности сюжетов неоднократно поднимался исследователями фольклора. В частности, это касается сюжета «муж на свадьбе своей жены», встречающегося в «Одиссее», «Алпамыше» и ряде азиатских и европейских сказаний. Данная проблема мною рассматривалась в отдельной статье, однако применение методов культурно-исторической психологии несомненно сделают исследование более глубоким.¹³ Вопрос о том,

сколько долго может существовать в народной памяти тот или иной сюжет и на сколько он может трансформироваться в результате внешнего воздействия или внутреннего развития, исследователи фольклора смогут решить только при привлечении методов исторической и психологической наук в их взаимодействии т.е. применить методы культурно-исторической психологии.

На мой взгляд, не вполне удачную попытку проанализировать вопрос о взаимовлиянии культур на примере существования одноглазых великанов в сказаниях различных народов предпринял И.В. Пьянков, который в своей статье описывает путешествие Аристея к исседонам.

Аристей, по мнению И.В. Пьянкова, несомненно познакомил исседонов с рассказом об Одиссее и Полифене, и «названный рассказ был особенно живо воспринят степняками потому, что в их среде и до этого бытовали родственные фольклорные мотивы»¹⁴ - имеется в виду рассказ об одноглазых жителях севера – аримаспах. Причем автор отмечает, что титулом «одноглазых» исседоны наградили какой-то могущественный народ им угрожающий. Статья посвящена взаимовлиянию античной культуры и культуры степных народов Центральной Азии, но отсутствует конкретный вывод – в чем же, в данном случае, это взаимовлияние заключалось. По всей видимости этот вопрос был бы решен, если бы автор статьи применил методы культурно-психологического анализа.

Действительно вопрос о практически полном совпадении сюжетов в сказаниях различных народов с «Одиссеей» (в данном случае в сюжете о встрече героя с циклопом) бросался в глаза уже первым исследователям эпоса. В частности, В.Ф. Миллер описывает аналогичное сказание у кавказских народов, а Л.С. Берг – у казахов.¹⁵

Здесь можно проводить различные аналогии и параллели, но вот что пишет Ч.Ч. Валиханов о походе 1860 г. по завоеванию Средней Азии: «Кокандцы в Пишпеке ждут русских, якобы идущих для взятия их кургана в числе 5 тыс. чел. Народная молва представляет всех воинов наших в сажень ростом и одела их в непроницаемые для пуль латы. Здесь всякое обыкновенное происшествие в устах киргизов принимает фантастический характер: качественно преобладает сверхъ-

естественный элемент, количественно – увеличивается в прогрессе, равносильно действию сильнейшего микроскопа. **Войско это едет под начальством старого вождя с одним глазом на лбу** (выделено нами В.О.): кто это мог быть?»¹⁶

Как видим, прошло не одно тысячелетие после посещения исседонов Аристеем, а у жителей центральноазиатских степей сохранилось то же отношение к малознакомым и могучим народам, т.е. во многом психологическое восприятие окружающего мира у народов сохраняется на протяжении довольно продолжительного времени.

Сюжеты о циклопах, или «муж на свадьбе своей жены» существуют у народов оседлых и кочевых, проживающих в горах и на равнинах, в лесах и степях. Причем идентичность сюжетов даже в отдельных деталях настолько очевидная, что говорить о том, что сюжеты эти самозародились у различных народов будет неправомерно. По всей видимости, здесь нужно говорить о взаимовлиянии. Но тогда встает вопрос – почему столь различные по хозяйственной деятельности, языку и даже антропологии народы одинаково близко воспринимают определенные сюжеты и они становятся интернациональными, а некоторые сюжеты присущи только одним народам. Здесь имеет место целый пласт неисследованных проблем, решение которых не только обогатит наш взгляд на взаимосвязи культур, но и ответит на многие вопросы, которые современная наука без применения новых методов решить до сих пор не смогла. В частности, на мой взгляд, можно будет решить проблему «первосюжета».

Тем более, что психологи уже проводили подобные исследования. Так М. Коул в своей книге отмечает, что «идеи Ф.К. Бартлетта о культурной организации воспоминания были скоро проверены антропологом С.Ф. Нэйделом (1937). Он вел полевые исследования среди иоруба и ньюп в Нигерии. Он был поражен, как сильно и во многих отношениях они отличаются друг от друга, хотя живут бок о бок, окружающая их среда одинакова, как и общие условия жизни, имеют похожие экономические системы и формы социальной организации и говорят на похожих языках».¹⁷ Таким образом, народы, живущие, рядом имеют совершенно различную систему ценностей и, как следствие, различную систему запоминания.

Причем, «неверно было бы спрашивать, кто запомнил лучше, иоруба или ньюп, важно, что они запоминают по разному, в соответствии с «устойчивыми интересами» своих культур». ¹⁸ Интересно было бы узнать, насколько схожи или различны сказания этих народов.

В книге Коула встречается интересное наблюдение об африканском народе кпелле, который традиционно разводит рис и занимается его продажей. Коул сообщает что «мы также узнали, что действия покупки и продажи риса с помощью кружки хоть и не сильно, но существенно различались. Когда местный торговец покупал рис, он использовал копи (оловянная кружка – О.В.) с выгнутым наружу дном, чтобы увеличить емкость; когда он продавал рис, он использовал копи с плоским дном». ¹⁹ Таким образом мера с одним и тем же названием и даже одинаковым объемом могла вмещать разное количество зерна.

Точно такой же подход существовал и феодальной Руси. В частности «четверть», служившая основной мерой сыпучих тел в средневековой России можно было «... насыпать, как говорили, «под гребло», при этом зерно насыпали до верха, а потом специальным греблом лишнее зерно сгребалось и мера оказывалась насыпанной до уровня краев. Можно насыпать зерно с верхом. Зерно при этом не уравнивается с краями. При таком способе насыпки количество зерна зависит от пропорций меры ее высоты и ширины. В мере низкой, но более широкой, верх, т.е. конус, образуемый насыпанным зерном, будет больше, чем в высокой мере, но узкой. ... Меры, указанной вместимости, являлись казенными приемочными мерами. Ими измеряли хлеб, поступавший в казну в качестве натуральных налогов (приемочная мера), а также в таможенной и торговой практике». ²⁰ Наличие мер с одним названием и одной ценности, но разным объемом не вызывала вопросов ни у тех, кто выплачивал таким образом налоги, ни у тех, кто таким образом получал жалование.

Конечно, народы занимающиеся однотипным хозяйством (в данном случае земледелием) будут иметь схожие ценностные ориентации. Однако с народом кпелле можно провести эксперименты, что бы выяснить их отношение к тому или иному вопросу, а вот реакцию средневекового русского крестьянина мы уже не-

посредственно никогда не узнаем. В данном случае, на мой взгляд, простое механическое сопоставление не будет адекватным. Заманчиво было бы провести исследование – сопоставить некоторые данные из письменных источников о событиях средневековой Руси и провести соответствующие эксперименты с ныне здравствующим народом. Вопрос же – на сколько психологическая реакция народов прошлого и современных, с одинаковым типом хозяйствования, идентична и какую конкретную коррекцию привносит природно-климатическая среда, может решить только синтез наук и роль культурно-исторической психологии здесь доминирующая.

Как видим, в настоящее время имеется больше вопросов, чем ответов. Но данная статья и не ставит перед собой задачи найти конкретные ответы. Главная задача обратить внимание историков на такой довольно новый подход к изучению истории, как применение методов психологической науки. Причем, на взгляд автора статьи, некоторые методы современных исследований психологии можно применять и для исторических исследований далекого (и не очень) прошлого. Роль влияния психологической реакции конкретной личности, группы личностей, социальной группы на ход исторического процесса не стоит игнорировать. Решить данную проблему с привлечением методов, присущих только исторической науке (или фольклористике) невозможно. С другой стороны, психологи без помощи историков не смогут адекватно исследовать развитие (или изменение) психологии в различных этапах развития человечества.

Таким образом для более полного понимания исторического процесса необходим синтез психологии и истории. В частности, в вопросе исследований эпического наследия играют роль не только взаимодействие народов, но и то, как, почему и каким образом это взаимодействие осуществлялось у различных народов. На сколько применимы присущие психологии методики (аддитивности, партиципации и т.п.) в историческом исследовании? На сколько глубоко оказывает влияние образ жизни (хозяйственная деятельность, влияние окружающей среды и т.д.) конкретного индивида на общество и общества на него?

Современная историческая наука больше привыкла оперировать глобальными категориями – раньше это были классы, теперь социальные группы и цивилизации. Однако из этих исследований часто выпадает конкретный человек с его индивидуальным отражением окружающего мира. И если в западной исторической науке, а в последнее время и в российской, эта проблема находит частичное отражение, то казахстанские историки пока сильно отстают. Портреты исторических деятелей, составляемые исследователями, не отличаются глубиной т.к. в них часто отсутствует ЧЕЛОВЕК, а создать более полную характеристику личности без применения методов психологии просто невозможно.

Поводя итоги, можно отметить, что взаимодействие истории и психологии в области историко-культурного исследования является довольно перспективным и многообещающим. Несмотря на разнородность методов обе науки могут значительно обогатить наши знания о прошлом человечества.

---

¹ См.: Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. – М., 1997; Шкуратов В.А. Историческая психология. – М., 1997.

² Радлов В.В. Из Сибири: страницы дневника. – М.: Наука, 1989. – С. 307.

³ Коул М. Указ. соч. – С. 81.

⁴ Там же. – С. 84.

⁵ Там же. – С. 80.

⁶ Жирмунский В.М. Среднеазиатские народные сказители// Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. – Л., 1974. – С. 636.

⁷ См.: Алпамыш. Узбекский героический эпос. – Л., 1982. – С. 367.

⁸ Кыдырбаева Р.З. Генезис эпоса «Манас». – Фрунзе, 1980. – С.7.

⁹ См.: Мусаев С. Эпос «Манас». – Фрунзе, 1984. – С.51.

¹⁰ Жирмунский В.М. Указ. соч. – С. 636.

¹¹ См.: Аникин В.П. Теория фольклорной традиции и ее значение для исторического изучения былин. – М., 1980, Блажес В.В. Содержательность художественной формы русского былевого эпоса. – Свердловск, 1977, Азбелев С.Н. Историзм былин и специфика фольклора. – М., 1982.

¹² См.: Коул М. Указ соч. – С. 78.

¹³ См.: Осколков В.С. К вопросу о влиянии античного эпоса на героические сказания тюркских народов// Античность и общечеловеческие ценности. – Вып. 6. – Алматы, 1999.

---

¹⁴ Пьянков И.В. Кочевники Казахстана VII в. до н.э. и античная литературная традиция// Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. – М., 1978. – С. 189.

¹⁵ См.: Миллер В.Ф. Кавказские сказания о циклопах// Этнографическое обозрение. – Кн. IV. - №1; Берг Л.С. Киргизское сказание о циклопах// Этнографическое обозрение. – Кн. CVII-CVIII. - №3-4.

¹⁶ Письмо Ч. Валиханова К.К. Гутковскому// Валиханов Ч.Ч. Собр. Соч. в 5-ти томах. – Т.5. – Алма-Ата, 1985. – С.145.

¹⁷ Коул М. Указ. соч. – С. 78.

¹⁸ Там же. – С. 80.

¹⁹ Там же. – С. 95.

²⁰ Каменцева Е.И. Историческая метрология. – М., 1978. – С. 18.

Резюме

В статье рассматривается возможность применения методов культурно-исторической психологии в изучении эпического наследия. Делается вывод, что такой подход поможет не только глубже изучить эпическое наследие, но и решить следующие вопросы: какую роль играл процесс запоминания в создании, сохранении и распространении эпического наследия; в чем причины аналогичного восприятия идентичных сюжетов народами находящимися не только в различных природно-климатических зонах и занимающихся различными видами хозяйствования, но и разделенных столетиями и тысячелетиями.